

ПОСЛЕ ТОГО, как ушел из жизни Всеволод Иванов (1963 г.), В. Шкловский писал: «Умер очень большой, не прочтенный нами писатель». Позже Л. Мартынов высказал аналогичную мысль: «Я полагаю, что Всеволода Иванова еще не прочли и не оценили по-настоящему, и такая оценка будет еще ему дана, если не в конце нашего, то в начале будущего века». Оба высказывания несут в себе некоторую долю парадоксальности, но тем не менее известно, что «в столе» писателя осталось немало неопубликованных произведений, что литературоведение не до конца осмыслило его чрезвычайно многоплановое творчество.

За двадцать лет, минувших со дня смерти писателя, были предприняты серьезные усилия к его «прочтению»: вышло восьмитомное собрание сочинений — треть по счету и более полное — отдельно издана переписка с А. М. Горьким, появилась сборник воспоминаний современников «Всеволод Иванов — писатель и человек», выдержавший два издания, написан ряд литературоведческих исследований.

Немалый вклад в изучение и пропаганду творчества Вс. Иванова сделан молодым автором, в недавнем прошлом — омицем, Евсеем Цейтлиным. Ряд статей и публикаций, получившая высокую оценку критики книга «Беседы в дороге. Всеволод Иванов — литературный наставник, критик, редактор» (Новосибирск, 1977) выдвинули его в ряды авторитетных исследователей творческого наследия замечательного мастера советской литературы. И вот совсем недавно, почти одновременно появилось еще три работы этого автора¹. О них и пойдет речь в данной рецензии.

Объемистый (более 20 печатных листов) том ранней прозы Вс. Иванова, составленный Е. Цейтлиным, сразу же нашел своего читателя. В него вошли главным образом повести и рассказы, написанные, начатые, либо задуманные в Омске. Известно, что наш город, в котором молодой писатель прожил три с небольшим года (вторая половина 1917-го — начало 1921-го), сыграл заметную роль в его творческом и социальном становлении. Здесь он был избран секретарем Западно-Сибирского бюро рабочих печатного дела, здесь, будучи красногвардейцем, участвовал в сопротивлении белочешскому мятежу, помогал в период колчаковщины большевикам — подпольщикам изготавливать фальшивые документы. В Омске Иванов попал в благотворную литературную среду, выпустил свою первую книжку рассказов «Рогульки».

Сборник назван «По Иртышу» не случайно: именно этот ранний рассказ был замечен М. Горьким и помещен им (вместе с рассказом «Дед Антон») в «Сборнике пролетарских писателей» (1917 г.).

Открывает книгу «Автобиография», написанная Вс. Ивановым в 1924. Затем идут три повести, которые уже после приезда писателя в Петроград принесли ему широкую известность. Это «Партызаны», «Бронепоезд 14-69» и «Возвращение Будды». Многие из рассказов («Отец и мать», «Как создаются курганы», «Когда я был факиром», «Медная лампа» и др.) носят автобиографический характер.

Эти произведения, появив-

¹ Всеволод Иванов. По Иртышу. Рассказы. Повести. Воспоминания. Омское книжное издательство. Омск, 1982. Составитель Е. Л. Цейтлин

Е. Л. Цейтлин. Сколько дорог у «Бронепоезда 14-69» (серия «Судьбы книг»). М., «Книга», 1982.

Е. Цейтлин. Всеволод Иванов. (Серия «Литературные портреты»). Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1983.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ.

О ВСЕВОЛОДЕ ИВАНОВЕ

дился в начале 20-х годов, на заре развития молодой советской литературы, имели шумный успех. Злободневность материала — революция и гражданская война, — яркий язык, незаурядные, порой экзотические герои — все это привлекало и увлекло читателя.

Книга составлена так, что мы получаем представление о разных гранях творчества молодого писателя.

Сборник удачно завершают мемуарный очерк об омском писателе Антоне Сорокине, рисующий литературную атмосферу Омска периода гражданской войны, и послесловие составителя.

Омское книжное издательство и составитель сборника «По Иртышу» сделали большое и нужное дело, представив широкому читателю раннее творчество одного из классиков советской литературы.

В течение многих лет московское издательство «Книга» выпускает серию «Судьбы книг», пользующуюся популярностью. В отечественной и мировой литературе есть десятки произведений, чья жизнь после их появления на свет удивительна, прихотлива, порой нелегка. К таким произведениям относится ранняя повесть Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» и созданная на ее основе одноименная пьеса. Небольшая книга Е. Цейтлина «Сколько

дорог у «Бронепоезда 14-69» рассказывает об отворческой истории этого произведения: жизнь повести, жизнь пьесы на сцене у нас и за рубежом, восприятие «Бронепоезда» различными художниками-иллюстраторами...

В некрологе Вс. Иванова известный французский писатель Луи Арагон задал риторический вопрос: «Можно ли представить историю советской литературы и даже литературы XX века в целом — без «Бронепоезда»? И тут же ответил: «Нет, это было бы просто невозможно».

Еще один, сравнительно недавний факт. В 1977 году в Братиславе вышел сборник

«Триптих о революции». В него включены «Разгром» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского и пьеса «Бронепоезд 14-69» — три произведения, символизирющие для читателей всего мира нашу революцию и нашу литературу, отражающую эту главную тему века.

Главные вехи творческой истории «Бронепоезда» таковы. Повесть была впервые напечатана в январе 1922 года первым советским «толстым» журналом «Красная новь». Писалась повесть в Петрограде, но ее истоки уходят своими корнями в сибирское, омское прошлое автора — это обстоятельство Е. Цейтлин подчеркивает особо. В этом же году Госиздатом предпринято первое отдельное издание, тиражи 10 тысяч экземпляров. Десяти различных изданий выдержала повесть только в 20-е и 30-е годы.

Сразу же после публикации «Бронепоезда» на родине его начинают переводить и издавать за рубежом: 1923 — Германия, 1925 — Италия, 1926 — Испания, конец 20-х — Франция и Япония...

Весна 1927 года. МХАТ готовится к 10-летию Октября, в театр приглашена группа московских писателей, цель — поиск юбилейной пьесы. Вс. Иванов инсценирует «на пробу» два эпизода из «Бронепоезда», с этого начинается его совместная работа с прославленным театральным коллективом. И начинается триумфальное шествие «Бронепоезда» по театральным подмосткам. «Первая настоящая работа Художественного театра за все время его существования» — так говорил о спектакле сам И. С. Станиславский. Простое перечисление городов, где после МХАТа ставилась пьеса, заняло бы значительное место. Начиная с 30-х годов, предпри-

нимаются и зарубежные постановки — Чехословакия, Англия, Австралия, Франция...

1931 год. Режиссер Я. Протазанов ставит по повести и пьесе фильм «Томми», используя в качестве сюжета эпизод «распропагандирования» американского солдата.

В 1955 г. Большой театр ставит оперу Д. Кабалевского «Никита Вершинин», созданную по мотивам «Бронепоезда».

Многое из ивановского произведения вошло в кинофильм «И на Тихом океане...» («Мосфильм», 1973 г.).

Обо всем этом Е. Цейтлин рассказывает подробно и увлекательно. Но тема книги была бы раскрыта лишь частично, если бы автор ограничился лишь ответом на вопрос «как?». Но он задает и вопрос «почему?» — почему «Бронепоезд» стал своеобразной эмблемой времени?

В последней главе книги — «Глазами читателя и зрителя» — даются результаты интересного эксперимента: при подготовке книги автор обратился к некоторым из тех, кто читал и смотрел повесть и пьесу тогда, в 20-х годах. Их ответы, пожалуй, наиболее четко отвечают на вопрос «почему?».

И. Я. Перцов, член КПСС с 1920 г.:

«Пути героев Всеволода Иванова совпали с путями миллионов. А все вместе эти пути составили дорогу революции».

С. Д. Шнапир, член ВЛКСМ с 1919 г.:

«Еще не было «Чапаяева», «Железного потока», «Разгрома», «Шторма»... В повести Иванова мы узнавали самих себя и своих товарищей по вчерашним боям...».

Заключить же разговор об этой небольшой, но емкой книге хочется тем же, чем закончил сам автор. «...В биографии человека, — пишет он, — рано или поздно приходится ставить точку. Но всегда преждевременно ставить точку в биографии книги».

Биография «Бронепоезда» продолжается.

«С портрета смотрит на нас молодой человек в огромной меховой шапке, столь же огромной шубе, в тонком изящном пенсне...»

Это Всеволод Иванов. В самом начале 1921 года он приехал в Петроград из Сибири.

«Направляется в распоряжение Горького», — стояло в командировке омской газеты. Он был одиорван, сапоги ему подарил Горький, брюки — Федин, шубу раскроил сам — из большой шкуры белого медведя.

Ом быстро шел тогда к своей громкой почте невиданной в те годы славе».

Так начинается недавно вышедшая небольшая книга Е. Цейтлина «Всеволод Иванов». В нашем литературоведении уже есть примеры монографического осмысления ивановского творчества. Но попытка сделать это популярно предпринимается, насколько нам известно, впервые. Серия «Литературные портреты» (именно в ней вышла рецензируемая книжка), в течение многих лет издающаяся в Новосибирске, адресуется в первую очередь к читателю малоискушенному в литературоведческих сложностях. О сложном — просто — пожалуй, так можно охарактеризовать манеру подачи материала в лучших книжках этой серии.

Но простота изложения не исключает взволнованности и увлеченности. Это прекрасно доказывает автор литературного портрета Вс. Иванова. Рассказывая о сложном творческом пути своего героя, о существовании «разного» Иванова, он увлекается сам и увлекает читателя.

В первой части книги идет подробный рассказ о «раннем» Иванове. А затем мы читаем такую фразу: «Иногда в начале двадцатых годов ярко возшла звезда славы Всеволода Иванова, он впервые совершил то, что делал потом многожды в своей писательской жизни: «поломал» свой стиль, манеру письма, отказался от художественных приемов, которые критики уже прочно связали с его именем».

Показ «всегда невожделанного» Вс. Иванова, разговор о его произведениях, по разным причинам не столь широко известным читателю, как «Бронепоезд», но тоже имеющих на это полное право, анализ творческого кредо писателя — вот что в первую очередь привлекает в носой работе Е. Цейтлина. Перевернув последнюю страницу этой небольшой книжки, хочется тут же, не откладывая, перечитать Вс. Иванова, вновь открыть для себя разноликий мир его героев.

«Большое видится на расстоянии», — сказано поэтом. Но это не значит, что мы должны лишь ждать, когда это расстояние увеличится само собой. Активное познание новаторской сущности советской литературы — вот что давно уже стало первостепенной задачей нашего литературоведения. Последние работы Евсея Цейтлина показывают: стремление внести вклад в решение этой общей задачи — его личное, кровное дело. И работает молодой исследователь упорно, талантливо, без оглядки на устоявшиеся, но устаревшие оценки.

А. ЛЕЯФЕР.